

ИСТОРИЯ МОСКВЫ
С АЛЕКСАНДРОМ
ВАСЬКИНЫМ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО
ПУШКИНСКОЙ
МОСКВЕ

Александр Анатольевич Васькин
Путешествие по
пушкинской Москве
Серия «История Москвы с
Александром Васькиным»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67186497

Путешествие по пушкинской Москве: Этерна; М.; 2021

ISBN 978-5-480-00426-7

Аннотация

Хотели бы вы побывать в Москве пушкинской эпохи?

Новая книга Александра Васькина позволит вам совершить это увлекательное путешествие, не выходя из дома... В Москве в 1799 году Александр Сергеевич Пушкин родился, здесь провел свое детство, а затем, после возвращения из ссылки в 1826 году, был провозглашен современниками «первым поэтом России». В Москве жили его родители, любимые женщины, друзья и почитатели таланта, недруги и гонители. Покровка и Огородная слобода, Кремль и Тверская, Знаменка и Мясницкая, Арбат и Волхонка – все это пушкинская Москва. Какой ее запомнил великий русский поэт? Что за стихи посвящал Москве и москвичам? Что стало с пушкинскими адресами, какие из них

сохранились до нашего времени, а каких и след простыл? Где жил и творил поэт в Первопрестольной, с кем встречался, к кому ходил в гости? Каковы были его гастрономические пристрастия? Почему женитьба Пушкина на Наталье Гончаровой не случилась в 1830 году, а произошла в Москве годом позже? Что заставило поэта переехать в Петербург? Богатым ли человеком был Пушкин? Ответы на многие интересные вопросы вы найдете в этой удивительной книге-путеводителе, книге-экскурсии, которая является продолжением популярной серии «История Москвы с Александром Васькиным».

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

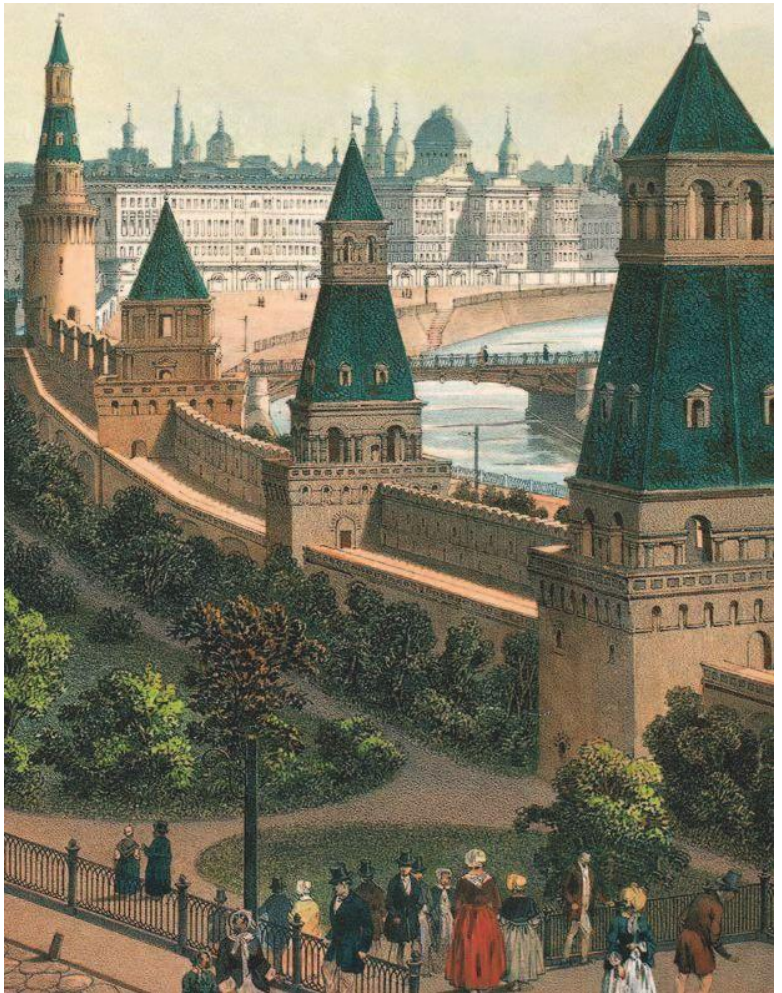
Содержание

В гостях у Пушкина	7
Глава 1. Здесь бегал Пушкин маленький: детские адреса поэта (1799–1811)	19
«В начале жизни школу помню я»	19
«На уроки танцевания к Трубецким»	53
«В московском саду графа Бутурлина»	65
Глава 2. Спустя 15 лет: возвращение в Москву «идолом народным» (1826–1827)	85
«Высочайше Пушкина призвать сюда»	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Александр
Анатольевич Васькин
Путешествие по
пушкинской Москве**

© А.А. Васькин, 2021

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2021

В гостях у Пушкина

Пушкинская Москва... Какой глубокий смысл вложен в это словосочетание! И хотя по правилам русского языка слово «пушкинская» в нем пишется с маленькой буквы, в пору писать его с заглавной – настолько многогранно это явление. В Москве великий русский поэт родился, здесь он жил и творил. Пушкинская Москва – это не только сам город первой трети XIX века, но и люди, его населявшие. Как же повезло им – жить в эпоху Пушкина, ходить по тем же улицам, дышать тем же воздухом, общаться с поэтом и слушать из его уст чтение стихов. Для многих современников даже мимолетная встреча с Александром Сергеевичем на балу или в театре стала ярчайшим впечатлением прожитой жизни. А что уж говорить о домах, которые Пушкин почтил своим присутствием, – каждый из них достоин мемориальной доски.

Мест, связанных с именем поэта, в Москве немало. Прежде всего, это адреса, по которым он жил и, главное, дом, где он появился на свет. До сих пор историки ломают копья об истинном месте рождения Пушкина. На сегодня называются, по крайней мере, три разных адреса, и все они – в Немецкой слободе. Еще в конце XIX века на доме купцов Клюгиных, что стоял в приходе церкви Богоявления в Елохове, была установлена памятная доска, удостоверяющая, что «здесь родился А.С. Пушкин».

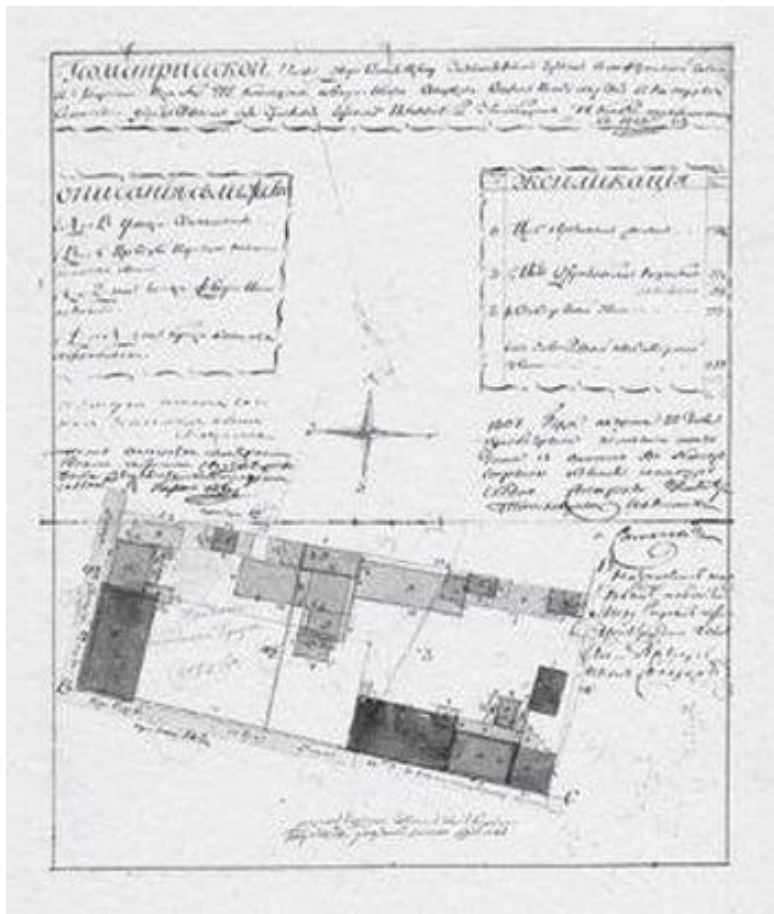

На Богоявленском соборе в Елохове установлена мемориальная доска: «Июня 8 дня 1799 года в храме Богоявления Господня в Елохове крещен А.С. Пушкин»

Затем в 1920-х годах возник другой адрес – на месте средней школы по улице Бауманской (дом 40). Школе присвоили

имя Пушкина, а в 1967 году сей факт закрепили еще и установкой бюста поэту. И, наконец, позднее появилась третья и последняя на сегодняшний день версия, что он родился в доме Скворцова (на углу Госпитального переулка и Малой Почтовой улицы, на месте дома 4), который сгорел в 1812 году. Это предположение было высказано в 1980 году, и с тех пор никто не смог представить аргументов более весомых, чтобы ее опровергнуть. Как бы там ни было, ни один из этих домов не сохранился до нашего времени – цветы принести некуда.

Почти не сохранились и детские адреса Пушкина. А было их во множестве, поскольку ежегодно семейство Пушкиных, не имевшее в Москве собственного дома, переезжало с квартиры на квартиру. Мать, Надежда Осиповна, якобы не любила долго жить на одном месте, свою роль в этом играли и материальные трудности. «Благодаря» такому непостоянству, семья Пушкиных сменила больше дюжины квартир в Москве. Жили они и в Огородной слободе, где и по сей день пересекаются Харитоньевские и Козловские переулки, нанимали квартиры в районе Арбата – в Кривоарбатском и Хлебном переулках, на Поварской, затем на Мясницкой, потом в районе Большой Молчановки и так далее.

На старом архивном плане 1804 года, хранящемся в Центральном архиве научно-технической документации Москвы, показано владение коллежского асес-

сора Ивана Скворцова. Именно во владении Скворцова и стоял дом, где в 1799 году родился Александр Пушкин. Двор находился на пересечении современных Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка. Сегодня на этом месте – безликое административное здание

С того времени до нас дошел лишь один памятник архитектуры, известный как дворец Юсуповых (или палаты Волкова), где Пушкины жили в 1801–1803 годах; сегодня это один из немногих сохранившихся в Москве архитектурных памятников гражданского зодчества XVI–XVII века.

**Маленький Саша Пушкин. Худ. Ксавье де Местр,
1800–1802 годы**

Дворец Апраксиных на Покровке, известный как «дом-комод», помнит подрастающего Пушкина. Сегодня этот чудом сохранившийся дворец, переживший московский пожар 1812 года, является совершенно необычным памятником русской архитектуры в стиле позднего барокко второй половины XVIII века. Александр Пушкин бывал здесь на «уроках танцевания».

Усадьба Бутурлина на Яузе была построена еще в середине XVIII века. Как магнитом притягивала маленького Сашу Пушкина известная на всю Москву библиотека графа Дмитрия Бутурлина, сгоревшая, к сожалению, в 1812 году.

В Москве Александр Пушкин прожил до 1811 года, когда в сопровождении дяди, Василия Львовича, отправился в Санкт-Петербург в Царскосельский лицей. А вернулся поэт в Москву через полтора десятка лет. Начиная с 1826 года Пушкин бывает в Москве часто, словно восполняя свое столь длительное отсутствие. Но желания остаться здесь на постоянное жительство у него нет. Уже после первого посещения Москвы он пишет Вяземскому 9 ноября 1826 года: «Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться». Из письма Соболевскому в ноябре 1827 года: «У вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, черт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистойю, а не прадедовскими вотчинами».

Между Пушкиным и Москвой взаимоотношения складывались сложные и неоднозначные. Т. Цявловская¹ писала, что любовь Пушкина к жене надо изучать по письмам, а не по стихам. А мы почитаем и письма, и стихи, в которых говорится о Москве. В пушкинских стихах мы находим признание в любви к Москве, но написаны они вне ее пределов:

*Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед...*

В письмах поэта вылилось раздражение родным городом: «Москва – город ничтожества» (26 марта 1831 года, Хитрово); «Москва мне слишком надоела» (11 апреля 1831 года, Плетневу); «Меня тянет в Петербург. – Не люблю я твоей Москвы» (10 декабря 1831 года, из письма жене). «В Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва» (27 августа 1833 года из Москвы в Петербург, жене). Похоже, что Пушкину было свойственно отождествлять с Москвой и разочарования, и непонимание коллегами его творческих взлетов, и неудачи на личном

¹ Цявловская, Татьяна Григорьевна (1897–1978) – российский литературовед, специалист по творчеству Александра Сергеевича Пушкина. Много работала с рукописями Пушкина как текстолог, комментировала различные издания его произведений. В 1970 году опубликовала фундаментальный труд «Рисунки Пушкина». – *Здесь и далее прим. авт.*

фронте («московщина со всеми ее тетками» – выражение приятеля Пушкина Туманского). А обижаться было на что. Кажется, что Москва и Пушкин не поняли друг друга.

«Пушкин очень часто читал по домам своего “Бориса Годунова” и тем повредил отчасти его успеху при напечатании. Москва неблагородно поступила с ним: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве и наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что он оставил Москву», – писал С.П. Шевырёв².

Непонимание обывателями всей сути отношений между царем и поэтом московскому свету было вполне свойственно. Москва в то время была сосредоточением «всех отставных, недовольных и уволенных чинов империи, гражданских и военных. Это ядро русской оппозиции. Поэтому почти все люди либеральных убеждений и те, политические взгляды которых не подходят к политике этих дней, удаляются сюда, где они могут сколько угодно критиковать двор, правительство и т. д., не слишком опасаясь какого-либо вмешательства властей», – рассказывал встречавшийся с Пушкиным англичанин Колвилл Фрэнкленд, гостивший в России в 1830–1831 году. Причем приехал он в Москву из Петербур-

² Шевырёв, Степан Петрович (1806–1864) – русский литературный критик, историк литературы, поэт, общественный деятель славянофильских убеждений, ординарный профессор и декан Московского университета, академик Петербургской Академии наук.

га и мог, следовательно, сравнивать. Да и в императорской столице относительно Москвы иллюзий не испытывали.

С 1826 года Пушкин приезжал в Москву и на два-три дня, и на несколько недель, и на полгода. Среди сохранившихся зданий, в которых он жил или бывал, выделяются своей архитектурной нарядностью усадьба Малиновских на Мясницкой, Английский клуб на Тверской, церковь «Большое Вознесение», Московский университет на Моховой, Московский главный архив Министерства иностранных дел в Холловском переулке и немногие другие.

Где-то поэт бывал неоднократно: в гостинице в Глинцевском переулке, в которой останавливался шесть раз, в салоне Волконской на Тверской, на балах в доме генерал-губернатора Голицына. Часто видели Александра Сергеевича в Большом Чернышевском переулке (ныне Вознесенский), где жили его друзья – Вяземский и Баратынский.

Куда-то Пушкин заходил лишь однажды – например, на обед к Уварову в дом на углу Страстной площади и Малой Дмитровки. Единственной была и нанятая Пушкиным квартира на Арбате, куда привез он молодую жену после венчания 18 февраля 1831 года. Бывал поэт и в Большом театре, и в Дворянском собрании, и в Лепехинских банях, что у Смоленского рынка. Все, что удостоил Пушкин своим вниманием в нашем городе, принято нынче называть пушкинскими местами Москвы.

Попытки их сохранить и увековечить предпринимались

неоднократно, чему способствовал и первый столетний юбилей поэта, широко отмечавшийся в 1899 году; но, кажется, спохватились слишком поздно – большую часть пушкинских зданий время (а точнее, люди) не пощадило. Так, пожар 1812 года уничтожил многие детские адреса Пушкина. Дома перепродавались и меняли владельцев, что тоже увеличивало утраты. Большие потери понесла пушкинская Москва в XX веке. Претворение в жизнь «сталинского плана реконструкции Москвы» в 1930-х годах сопровождалось всеми вытекающими, а точнее, разрушающими последствиями. Трещала, лопалась по швам старая Москва... Затем война, во время бомбежки столицы в 1941-м попаданием снаряда была уничтожена усадьба Погодина. А после войны – опять разрушение старой Москвы. Взять хотя бы нашумевший снос «дома Фамусова» на Пушкинской (!) площади в 1968 году, в котором поэт бывал у Римских-Корсаковых...

Но, справедливости ради, шел и обратный процесс. Силами многочисленной армии энтузиастов удавалось отвоевывать у разрушителей-строителей пушкинские адреса. Например, арбатский дом, где нынче расположена мемориальная квартира Пушкина, дом Веневитиновых в Кривоколенном, дом Василия Львовича Пушкина на Старой Басманной, после реставрации в 2013 году ставший музеем пушкинского дяди...

С началом нового века список потерь умножился. Так, в 1997–2002 годах уничтожен дом Шаховских на Никитском

бульваре (XVIII–XIX вв.), где устраивались литературные и музыкальные салоны. Здесь бывал не только Пушкин, но и Гончаров, Грибоедов. В 2002–2004-м снесена усадьба Римских-Корсаковых на Тверском бульваре, 26, с палатами и флигелями XVIII–XIX века. А вот и еще один бывший пушкинский адрес – Столешников переулок, дом 12. Сюда, в канцелярию московского обер-полицмейстера, поэта вызывали в связи с делом о распространении крамольных стихов из «Андрея Шенье». Дом этот, построенный в XVIII–XIX веке, был снесен в марте 1997 года для благоустройства местности к 850-летию Москвы. 16 сентября 1826 года Пушкин посетил князей Трубецких после гулянья на Девичьем поле, современный адрес – улица Усачева, дом 1. Это был один из самых старых деревянных домов Москвы, переживших пожар 1812 года. Здание, построенное во второй половине XVIII века, сгорело в 2002 году, причем перед реконструкцией. Огонь тогда слизал и хорошо сохранившиеся интерьеры XIX века.

Отправимся же в путешествие по пушкинской Москве ...

Глава 1. Здесь бегал Пушкин маленький: детские адреса поэта (1799–1811)

«В начале жизни школу помню я» Большой Харитоньевский переулок, 21

Дворец Юсуповых – старейшее на сегодняшний день московское здание, связанное с жизнью Пушкина. В основе дворца – палаты XVI–XVII века. Существующее ныне строение сформировалось в результате неоднократных реконструкций и перестроек из двух первоначально самостоятельных корпусов – восточного со столовой палатой и западного. К сожалению, о том, как они выглядели, остались лишь воспоминания: «Каменные двухэтажные палаты Юсуповых с пристройками к восточной стороне стояли на просторном дворе; к западной их стороне примыкало одноэтажное каменное здание, позади каменная кладовая, далее шел сад, который до 1812 года был гораздо обширнее, и в нем был пруд», – писал в 1891 году Михаил Пыляев, незадолго до реконструкции здания.

Дворец Юсуповых. XIX век

Дворец Юсуповых в наши дни

Ценное свидетельство (еще до Пыляева) оставил архитектор и знаток Москвы Алексей Мартынов, по словам которого, первая палата была о двух ярусах, «с крутою железною крышею на четыре ската, или епанчой, и отличается толщиною стен, сложенных из 18-фунтовых кирпичей с железными связями. Прочность и безопасность были одним из первых условий здания. Наверху входная дверь сохранила отчасти свой прежний стиль: она с ломаною перемычкою в виде полусосьмиугольника и с сандриком вверху, в тимпане образ

святых благоверных князей Бориса и Глеба. Это напоминает заветный благочестивый обычай русских молиться перед входом в дом и при выходе из него. Здесь были боярская гостиная, столовая и спальня; к западной стороне – покой со сводом, об одном окошке на север, по-видимому, служил молению. В нижнем этаже, под сводами – то же разделение; под ним – подвалы, где хранились бочки с выписными фряжскими заморскими винами и с русскими ставленными и сыпучими медами, ягодными квасами и проч. Пристроенная на восток двухэтажная палата, которая прежде составляла один покой, теперь разделена на несколько комнат».

Но даже те изменения, что пережил дворец Юсуповых в XIX веке, не умаляют его огромной ценности, ибо они были сделаны опять же в русле традиций древнерусского зодчества. Композиция этого интереснейшего московского памятника связана с «хоромным» принципом построения. Обращает на себя внимание живописная группировка отдельных разновеликих объемов, крытых порознь кровлями различной высоты и формы, то заслоняющих друг друга, то открывающих новые завораживающие виды. На второй этаж дворца ведет наружная лестница, что было характерным архитектурным приемом XVI–XVII веков – так называемое красное крыльцо. Это относится и к столовой палате – обязательному для подобных зданий парадному помещению. Нетрудно уловить в ней элементы, восходящие к Грановитой палате Московского Кремля. Высокий свод, освещенный с обеих сторон

многочисленными окнами, напоминает гигантский купол.

Реконструкция 1892–1895 годов (архитектор Н.В. Султанов) в дань существовавшей тогда моде стилизовала здание под старину, что заметно проявилось в пышном декоре, обильно покрывшем стены, шатровой крыше, узорчатой кровле с флюгерами, оконницах, кованых решетках и других элементах. В 1891–1892 году западный корпус был надстроен третьим этажом (архитектор В.Д. Померанцев). В середине 1890-х по окончании перестройки интерьеры восточного корпуса были расписаны по эскизам художника Ф.Г. Солнцева также под старину. Постройки заднего двора относятся к 1895-му, стилизованная чугунная ограда – к 1913 году.

Николай Борисович Юсупов. Худ. И.Б. Лампи, 1790-е годы

Прошло почти сто лет, и вновь в Большой Харитоньевский пожаловали реставраторы. На этот раз они принялись восстанавливать облик здания, созданный их предшественниками в конце XIX века. В результате реставрации, длившейся с начала 1980-х до 2008 года, восстановлены уникальные изразцовые печи начала XVIII века, красочные и яркие росписи Солнцева, воссозданы паркетные и каменные полы и некогда полностью утраченные оконные витражи. Восстановлено и кровельное покрытие с декоративными дымоходами...

Первым известным по документам владельцем палат был богатый купец Чирьев, обосновавшийся в Москве в 1670-х годах. Затем их хозяевами последовательно являлись сподвижники Петра I или вельможи, к ним приближенные: в начале XVIII века палаты принадлежали дипломату, вице-канцлеру П.П. Шафирову, отправленному впоследствии за казнокрадство в ссылку. В 1723 году конфискованные у Шафирова палаты перешли к графу П.А. Толстому, управляющему Тайной канцелярией, вынесшей приговор сыну царя Петра Алексею.

Толстого в 1727 году сослали на Соловки, а хозяином здесь стал Алексей Волков, обер-секретарь Военной коллегии и ближайший помощник А.Д. Меншикова – новоиспеченного генералиссимуса и фактического правителя России с 1725 по 1727 год при малолетнем Петре II. Как тут

не вспомнить пушкинские строки о Меншикове из «Полтавы»: «...и счастья баловень безродный, полудержавный властелин». Но распорядился палатами Волков недолго – как только звезда Меншикова закатилась, сгустились тучи и над обер-секретарем. И вот уже князь Григорий Юсупов челом бьет Петру II, буквально выпрашивая себе волковские палаты, а Волкова в своем доносе-прошении он называет «согласником» во всех «непорядочных и худых проступках князя Меншикова». Прощение князя было удовлетворено. С 1727 года Юсуповы владели палатами без малого два века – до 1917 года (при советской власти здесь располагался президиум Академии сельскохозяйственных наук).

Род Юсуповых – богатейший и по этому критерию соперников в России не имел. Он принадлежит к числу многочисленных татарских княжеских родов, перекрестившихся в России и ставших новой дворянской аристократией в XVI–XVII веке (как Урусовы, Кочубеи, Карамзины, Мещерские и прочие). Согласно летописи, «сыновья [хана] Юсуфа, прибыв в Москву, пожалованы были многими селами и деревнями в Романовской округе (ныне город Тутаев. – *А.В.*), и поселенные там служилые татары и казаки подчинены им. С того времени Россия сделалась отечеством для потомков Юсуфа». Ногайский хан Юсуф жил в XVI веке. Потомки татарского властителя впоследствии присягнули Петру I, один из которых, Абдулла-мурза перекрестился в православие под именем Димитрия.

Правнук Абдуллы-мурзы князь Николай Борисович Юсупов стал одним из самых известных представителей рода. Дипломат и коллекционер, меценат и богач (владелец Архангельского!) он остался в истории как влиятельнейший вельможа при четырех царствованиях – от Екатерины II до Николая I.

Юсупов часто бывал за границей, служил посланником в Сардинии, Неаполе, Венеции. Успел подружиться с королевской семьей Франции. Людовик XVI и Мария Антуанетта так полюбили его, что подарили ему красивейший сервиз из черного севрского фарфора в цветочек – шедевр королевских мастерских, поначалу предназначавшийся для наследника престола (позднее, в 1912 году запылившийся сервиз нашелся в чулане, посмотреть на него приехали искусствоведы из самой Франции). Не чаял души в Юсупове и Наполеон, преподнесший ему в 1804 году две гигантские севрские вазы и три гобелена «Охота Мелеагра». Ну, а о приятельских отношениях с королем Пруссии Фридрихом Великим и австрийским императором Иосифом II и говорить не приходится. В том же ряду – Бомарше, Дидро, Вольтер, граф Сен-Жермен (якобы раскрывший ему секрет долголетия – меньше пить) и даже папа римский Пий VI, позволивший князю сделать копии с рафаэлевских фресок и отправить их в Эрмитаж. Начальство над Эрмитажем и Оружейной палатой было среди многочисленных должностей Николая Борисовича. А потому и собрание юсуповское наполнено было

в большинстве своем иноземными предметами искусства – редкими и дорогими книгами, скульптурой, бесценными полотнами Рембрандта, Тьеполо, Ван Дейка, Лоррена и других мастеров. Кто на чем сидит, то и имеет.

Завистники связывали благополучие князя с расположением к нему Екатерины II, годившейся ему в матери. Впрочем, кого только не называли в числе фаворитов любвеобильной императрицы, но не всем дано было оставить след в истории, подобный юсуповскому. Как-то во время ужина в Зимнем дворце Екатерина поинтересовалась у Юсупова, умеет ли он разрезать гуся. Тот отвечал: «Мне ли не уметь, заплативши столь дорого!». И далее рассказал семейное предание про гуся, превращенного в рыбу, развеселив государыню. А предание это гласило, что однажды один из представителей рода Юсуповых накормил патриарха гусем, искусно «замаскированным» под рыбу. Все бы ничего: гусь понравился патриарху, да только дело было в пост. Патриарх, а за ним и царь сильно разгневались, и тогда Юсуповы перешли в православие, дабы задобрить монарха. «Прадед ваш получил по заслугам, а остатка имения на гусей вам хватит, еще и меня с семейством прокормите», – тонко намекнула государыня на богатство Юсуповых.

«Князь Юсупов, – вспоминала московская старожилка Е.П. Янькова, – большой московский барин и последний екатерининский вельможа. Государыня очень его почитала. Говорят, в спальне у себя он повесил картину, где она и он пи-

саны в виде Венеры и Аполлона. Павел после матушкиной смерти велел ему картину уничтожить. Сомневаюсь, однако, что князь послушался. А что до княжевой ветрености, так причиной тому его восточная горячность и любовная комплекция. В архангельской усадьбе князя – портреты любовниц его, картин более трехсот. Женился он на племяннице государынина любимца Г.А. Потемкина, но нравом был ветрен и оттого в супружестве не слишком счастлив... Князь Николай был пригож и приятен и за простоту любим и двором, и простым людом. В Архангельском задавал он пиры, и последнее празднество по случаю коронавания Николая превзошло все и совершенно поразило иностранных принцев и посланников. Богатств своих князь и сам не знал. Любил и собирал прекрасное. Коллекции его в России, полагаю, нет равных. Последние годы, наскуча миром, доживал он взаперти в своем московском доме. Когда бы не распутный нрав, сильно повредивший ему во мненьи общества, он мог быть сочтен идеалом мужчины».

Князь Н.Б. Юсупов. Рисунок А.С. Пушкина

Упомянутая мемуаристкой племянница Потемкина – это Татьяна Васильевна Энгельгардт, на которой князь женился в 1793 году, пленявшая многих красотой, но только не своего мужа, имевшего множество любовниц. Ей было двадцать четыре года, ему – более сорока. Но распутный нрав князя вскоре привел к тому, что с женой они жили в разъезде. А в доме своем Юсупов держал гарем из актрис, наплевав на

всякие приличия и общественное мнение («Мирза Юсупов взял к себе какую-то русскую красавицу и никому ее не кажет», – из письма В.Л. Пушкина Вяземскому от 8 мая 1819 года. Один московский театрал рассказывал: «Во время балета стоило старику махнуть тростью, танцорки тотчас заголялись. Прима была его фавориткой, осыпал он ее царскими подарками. Самой сильной страстью его была француженка, красotka, но горькая пьяница. Она, когда напивалась, бывала ужасна. Лезла драться, била посуду и топтала книги. Бедный князь жил в постоянном страхе. Только пообещав подарок, удавалось ему уgomонить буянку. Самой последней его пaссии было восемнадцать, ему – семьдесят!»).

Незабываемое впечатление производил выезд Юсупова из своего московского дворца в Архангельское. Это был большой поезд из не менее десяти карет, запряженных каждая шестеркой лошадей, в которых ехали друзья, музыканты, актеры, пaссии, а также собаки, обезьяны, попугаи и прочая живность. Сборы занимали недели, встречали и провожали князя пушечной пальбой.

Богатейший человек своего времени, Юсупов владел не только драгоценными предметами искусства и сонмом любовниц, но и тридцатью тысячами крепостных душ в двадцати трех губерниях. Годовой доход его редко опускался ниже миллиона рублей. Когда князя спрашивали, есть ли у него имение в такой-то губернии, он нередко открывал памятную книжку с подробным реестром всех своих имений, и, как

правило, отвечал утвердительно. Имея такие барыши, Юсупов тем не менее сдавал свою недвижимость внаем. Просвещенность на равных уживалась в нем с жадностью до денег. Сдавал он и дом в Большом Харитоньевском переулке.

Среди нанимателей была и семья Пушкиных, жившая здесь с 24 ноября 1801-го по 1 июля 1803 года. В то время здешнюю местность называли Огородной слободой, а эта часть Большого Харитоньевского переулка была известна как Большая Хомутовка. Название слободе дали дворцовые огороды и поселения живших при них в XVII веке огородников. Со второй половины XVII века на территории Огородной слободы селились по большей части купцы, представители высшего духовенства, московской знати.

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.*

Пушкин не раз мысленно обращался к детским годам, проведенным в Большом Харитоньевском переулке. И процитированные строки из седьмой главы «Евгения Онегина» – яркое тому подтверждение. Татьяна Ларина была поселена автором именно «у Харитонья в переулке», то есть

рядом с церковью Св. Харитония, что и дала название переулку (построена в 1654-м, снесена в 1935 году).

Церковь Св. Харитония Исповедника в Огородной слободе, 1880-е годы

Поселившаяся здесь семья Пушкиных состояла из пяти

человек: глава семьи Сергей Львович Пушкин (1770–1848), московский чиновник средней руки; его жена (с 1796 года) Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал (1775–1836); дети – Ольга (1797–1868), Александр и Николай (1801–1807). Позже у Сергея Львовича и Надежды Осиповны родились еще пятеро детей. Из них выжил только Лев (1805–1852), остальные же – сыновья Павел (1810), Михаил (1811), Платон (1817–1819) и дочь Софья (1809) умерли в раннем возрасте.

Сергей Львович Пушкин. С портретной гравюры К.К. Гампельна, 1824

Ольга Пушкина вспоминала, что «Сергей Львович... был нрава пылкого и до крайности раздражительного, так что при малейшем неудовольствии, возбужденном жалобой гувернера или гувернантки, он выходил из себя, отчего дети

больше боялись его, чем любили. Мать, напротив, при всей живости характера, умела владеть собою и только не могла скрывать предпочтения, которое оказывала сперва к дочери, а потом к меньшему сыну Льву Сергеевичу; всегда веселая и беззаботная, с прекрасною наружностью креолки, как ее называли, она любила свет. Сергей Львович был также создан для общества, которое умел он оживлять неистощимою любезностью и тонкими остротами, изливавшимися потоком французских каламбуров. Многие из этих каламбуров передавались в обществе как образчики необыкновенного остроумия».

Мать поэта Надежда Осиповна Пушкина. Худ. Ксавье де Местр, 1800-е годы

В усадьбе Юсупова в начале XIX века стояло три каменных дома, один из которых – средний – и был арендован Сер-

геем Львовичем Пушкиным. В результате более поздних перестроек дом стал частью одного большого здания. Сегодня это левое крыло дома 21 (по другому мнению, Пушкины обрелись в несохранившемся деревянном флигеле).

В 1801 году Николай Борисович Юсупов вдобавок к своему терему решил прикупить соседний особняк, принадлежавший семье коллежского асессора Х. Христиана (ныне Большой Харитоньевский, 24) для размещения в нем домашнего театра и, главным образом, актрис, столь любимых князем. Дом как дом, а вот примыкавший к нему большой сад был даже более удачным приобретением, простираясь до современного Фурманного переулка. Юсупов решил сделать из него Версаль в миниатюре – с регулярной планировкой, украсить его статуями древних богинь, разбить посередине круглый пруд со спускавшимися к нему двумя лестницами, устроить искусственный грот, беседки, аллеи и клумбы. Войти в него можно было через красивые ворота с Большого Харитоньевского. Юсуповский сад славился на всю Москву, усадебное садоводство на иноземный манер – английский или французский – было в ту пору в большой моде. Маленький Саша Пушкин много времени проводил в саду князя.

«Они жили теперь в порядочном деревянном доме, Юсуповском, рядом с домом самого князя, большого туза. Сергей Львович был доволен этим соседством. Князь, впрочем, редко показывался в Москве. Раз только летом видел Сергей Львович его приезд, видел, как суетился камердинер, от-

крывали окна, несли вещи, и вслед за тем грузный человек с толстыми губами и печальными нерусскими глазами, не глядя по сторонам, прошел в свой дом. Потом князь как-то раз заметил Надежду Осиповну и поклонился ей широко, не то на азиатский, не то на самый европейский манер. Вслед за тем он прислал своего управителя сказать Пушкиным, что дети могут гулять в саду, когда захотят. Князь был известный женский любитель, и Надежде Осиповне было приятно его внимание. Вскоре он уехал.

Сад был великолепный. У Юсупова была татарская страсть к плющу, прохладе и фонтанам и любовь парижского жителя к правильным дорожкам, просекам и прудам. Из Венеции и Неаполя, где он долго был посланником, он привез старые статуи с обвислыми задами и почерневшими коленями. Будучи по-восточному скуп, он ничего не жалел для воображения. Так в Москве, у Харитонья в Огородниках, возник этот сад, пространством более чем на десятину. Князь разрешал ходить по саду знакомым и людям, которым хотел выказать ласковость; неохотно и редко допускал детей. Конечно, без людей сад был бы в большей сохранности, но нет ничего печальнее для суеверного человека, чем пустынный сад. Знакомые князя, сами того не зная, оживляли пейзаж. Пораженный Западом москвич шел по версальской лестнице, о которой читал или слышал, и его московская походка менялась. Сторожевые статуи встречали его. Он шел вперед и начинал, увлекаемый мерными аллеями, кружить особою

стройною походкой вокруг круглого пруда, настолько круглого, что даже самая вода казалась в ней выпуклой, и, опустясь через час все той же походкой к себе в Огородники, он некоторое время воображал себя прекрасным и только потом, заслышав: “Пирог! Пирог!” или повстречав знакомого, догадывался, что здесь что-то неладно, что Версаль не Версаль и он не француз. Сад был открыт для няньки Арины с барчуками», – писал Юрий Тынянов.

Почти через четверть века после того, как Пушкины жили у Харитонья в Огородниках, в 1830 году поэт принимается за автобиографию. Он набрасывает «Программу автобиографии», в которой описание своего детства начинается именно отсюда: «Первые впечатления. Юсупов сад». И в это же время он сочиняет стихотворение «В начале жизни школу помню я», где рисует восхитительную картину сада, на аллеях которого встречались маленькому Саше причудливые мраморные скульптуры древних богов:

*И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.*

*Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.*

Любил я светлых вод и листьев шум,

*И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.*

*Всё – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —*

*Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.
(...)*

*Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.*

*Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.*

*Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.*

*Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.*

*Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал – уныние и лень*

Меня сковали – тщетно был я молод.

*Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.*

Стихотворение это лучше, чем какая-либо из возможных иллюстраций, передает атмосферу сада с его оранжереями, фонтаном и прудом, пленившую будущего поэта. В «Программе автобиографии» Пушкин упоминает также про землетрясение, няню и «первые неприятности». Землетрясение случилось в Москве 14 октября 1802 года и вызвало большой переполох. О нем, видимо, рассказывала поэту Арина Родионовна.

Что же до неприятностей, то под ними можно подразумевать первые проделки шалуна Саши, ибо, как вспоминала его сестра Ольга, «до шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, и всегдашнею молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкою Марьею Алексеевною, залезал в ее корзину и смотрел, как она занималась рукодельем. Однажды, гуляя с матерью, он отстал и уселся посередине улицы; заметив, что одна дама смотрит на него в окошко и смеется, он привстал, говоря: ”Ну, нечего скалить зубы”». Саша нередко раздражал мать и выводил ее из себя

своими вредными привычками грызть ногти, тереть ладони (за это Надежда Осиповна завязывала ему руки за спину чуть ли не на целый день), терять носовые платки (поэтому их пришивали к его одежде, заставляя в таком виде появляться перед гостями). Повзрослев, Саша сильно изменился...

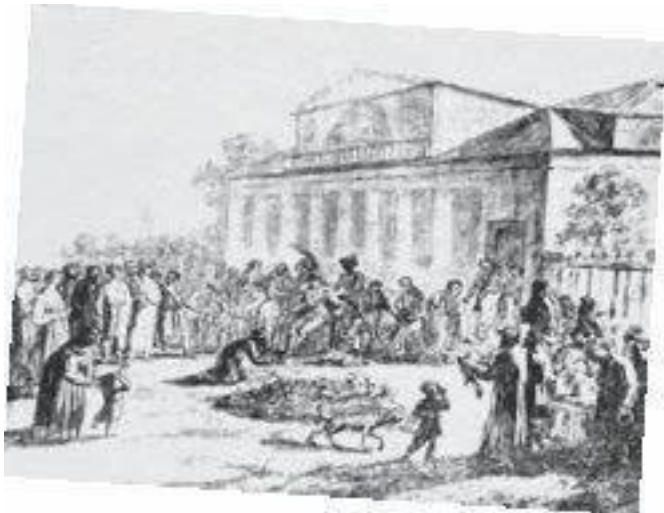
А с Юсуповым Пушкин познакомился после 1826 года, приезжая в Архангельское (ныне Красногорский район Московской области), по крайней мере, дважды. Уже тогда Архангельское представляло собой жемчужину Подмоскovie – частный музей, наполненный бесценными произведениями искусства, живописью и скульптурой. Первое известное название здешних мест – Уполозы, так упоминалось при Иване Грозном имение вотчинника Уполоцкого. Впрочем, это не оригинальное название, на карте России встречаются и другие Уполозы, что указывает на еще одну версию их происхождения, связанную с оползнями, происходившими с крутого берега реки Москвы. Более приятное современное название связано с храмом Архангела Михаила, стоявшем здесь еще в первой половине XVI века. Начиная с середины XVII века «Уполозы, Архангельское тож» принадлежали знатным княжеским родам Российского государства – Шереметевым, Одоевским (при них село стало официально именоваться Архангельским), Черкасским, опять же Голицыным (куда же без них!). Николай Борисович Юсупов купил усадьбу в 1810 году за весьма немалую сумму – 245 тысяч рублей.

Юсупов провозгласил главную цель нового приобретения: «Архангельское – не есть доходная деревня, а расходная, и для веселия, а не для прибыли, то стараться в ранжереях, парниках, и грядках то заводить, что редко, и чтобы все было лучше, нежели у других <...>, фрукты держать для продажи, хотя мало прибыли, но из них несколько сортов стараться иметь, чтобы щеголять и их показывать». И без фруктов было чем гордиться – к созданию усадьбы (а также к возрождению ее после разорения в 1812-м и пожара в 1820 году) князь привлекал выдающихся зодчих – Бове, С.П. Мельникова, Е.Д. Тюриня, итальянского декоратора П. Гонзаго, не говоря уже о менее известных крепостных умельцах и самородках – В.Я. Стрижакове, И. Борунове и других. Помимо Большого дворца в стиле классицизма, архитектурный ансамбль составили малый дворец «Каприз», «Чайный домик», храм-памятник Екатерине II, «Святые Ворота» и так далее. Усадьба в Архангельском со всеми ее садами и оранжереями превратилась при Юсупове в подлинное собрание шедевров, под стать коллекции.

Ранней весной 1827 года Пушкин верхом прискакал в Архангельское вместе с Соболевским³, удостоившись приема князя. Подробности той встречи до нас дошли лишь в рассказе Бартенева: «Просвещенный вельможа екатерининских времен встретил их со всею любезностью гостеприимства».

³ С о б о л е в с к и й, Сергей Александрович (1803–1870) – русский bibliофил и bibliограф, друг А.С. Пушкина.

Рисунки Николая де Куртейля

А вот в качестве доказательства второго его визита в усадьбу в конце августа 1830 года приводят рисунок художника Николая де Куртейля, оформлявшего юсуповский дворец. На небольшом рисунке (41×54 см) мы видим князя Юсупова в Архангельском, принимающего поздравления с праздником от благодарных крестьян. Пушкин якобы изображен в правой части рисунка – невысокий человек с курчавой головой и бакенбардами, да к тому же вместе с Вяземским (персонаж в очках), что дало повод утверждать об их совместном визите в усадьбу. Однако это лишь предположение, ибо сам художник подтверждения подобной версии не

оставил. Но если Пушкин и Вяземский и приезжали в Архангельское, то, вероятно, 28 или 29 августа 1830 года, исходя из хронологии жизни поэта.

Интересно, что в том же 1830 году Пушкин публикует в «Литературной газете» стихотворение «К вельможе», посвященное Николаю Юсупову. В нем автор отдает должное князю как одному из ярчайших деятелей своей эпохи:

(...)

*К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.*

*Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил...*

Стихотворение это было в штыки принято московскими литераторами. Николай Полевой, издатель «Московского телеграфа», вскоре ответил Пушкину обидным памфлетом «Утро в кабинете знатного барина» (цензора С.Н. Глинку, пропустившего эту статью, возбуждавшую «по дерзким и явным намекам на известную особу по своим заслугам государству... негодование всех благомыслящих людей», вы-

гнали с работы). Александр Сергеевич критики не принял: «Пушкин говорил М.А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов, и затем только он угощал его в своем Архангельском. – "Но ведь вы его изобразили пустым человеком!" – "Ничего! Не догадается!". Пушкин смеялся над Полевым, который в известном послании "К вельможе" видел низкопоклонство», – писал Вяземский.

Из Петербурга не замедлил высказаться и Булгарин. Пушкин собирался ответить непонятливым коллегам критической заметкой «Опровержение на критики», но так и не закончил ее. Уже позднее, после смерти поэта, в 1844 году Виссарион Белинский сполна расплатился с критиканами: «Некоторые крикливые глупцы, не поняв этого стихотворения, осмеливались в своих полемических выходках бросать тень на характер великого поэта, думая видеть лесть там, где должно видеть только в высшей степени художественное постижение и изображение целой эпохи в лице одного из замечательнейших ее представителей».

В Архангельском Пушкин мог бывать и в другие дни, ибо усадьба при Юсупове превратилась в центр московской светской жизни, один театр Гонзаго чего стоил, а сегодня это единственное в мире сохранившееся собрание декораций мастера. Великолепный зрительный зал театра был рассчитан на 400 человек. Юсупову завидовали – мало кто мог позволить себе пускать деньги на воздух в таком количестве в буквальном смысле: летними вечерами небо над Архангель-

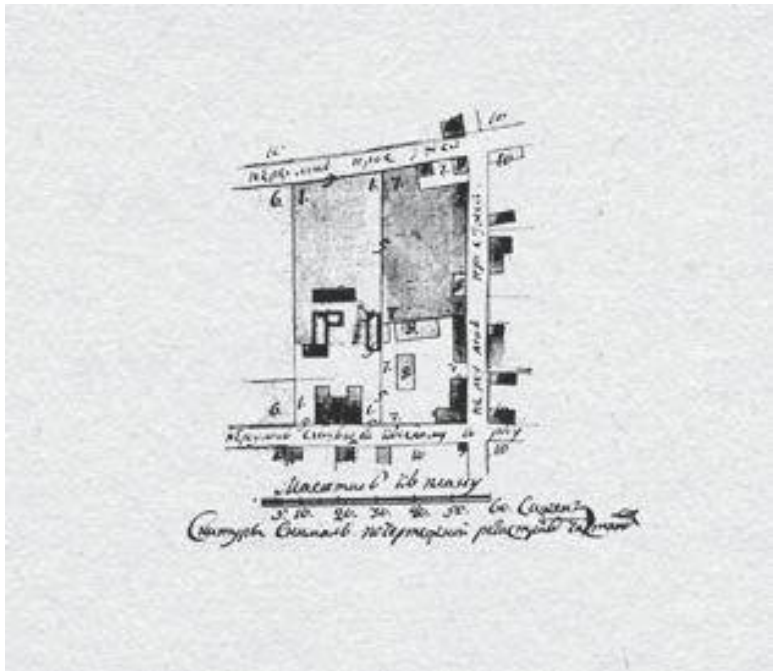
ским расцветало яркими огнями фейерверков. А балы, маскарады, празднества... Интересно, что когда старый князь скончался, Пушкин в письме Плетневу от 22 июня 1831 года высказался о нем более чем определенно: «Мой Юсупов умер».

Последними владельцами усадьбы были правнучка князя Зинаида Николаевна Юсупова и ее супруг – князь Феликс Феликсович Юсупов-Сумароков-Эльстон, принимавшие у себя В.А. Серова, К.А. Коровина, К.Е. Маковского и других художников, а также многих видных деятелей русской культуры. В память о Пушкине в Архангельском в 1903 году появились Пушкинская аллея и бюст поэта, на котором выбиты строки, посвященные Юсупову:

*К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я...
...Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.*

Примечательно, что владельцы Архангельского завещали «в случае внезапного прекращения рода все наше движимое имущество, состоящее в коллекциях предметов изящных искусств, редкостей и драгоценностей, собранных на-

шими предками и нами», передать в собственность государства для «удовлетворения эстетических и научных потребностей Отечества». Так было задумано в 1900 году. Завещание (уникальный случай!) исполнилось в 1917 году еще до прекращения рода (род пресекся в 1967 году в Париже со смертью князя Феликса Феликсовича Юсупова, сына Зинаиды Юсуповой). Сегодня усадьба Архангельское является музеем и единственным в своем роде сохранившимся цельным архитектурно-парковым ансамблем XVIII–XIX века в Московской области.

План двора дома действительного тайного советника князя Н.Б. Юсупова, 1802. (Центральный исторический архив Москвы)

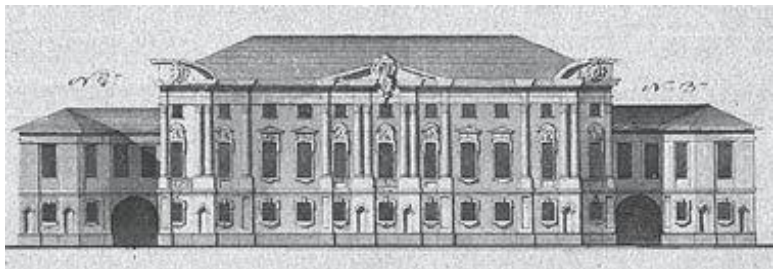
Аналогичная судьба и у юсуповского дворца в Большом Харитоньевском переулке. Нынче здесь также музей, посетителям которого открывается уникальная возможность своими глазами увидеть богатое убранство дворца – величественный Тронный (или Царский) зал с ликами русских

монархов, Охотничий и Красный залы, Гербовую комнату (бывшая гостиная Зинаиды Юсуповой), Трапезную, Китайскую гостиную в красно-зеленых тонах и кабинет князя, Портретную комнату с изображениями разных представителей рода Юсуповых, а еще изящную парадную лестницу со стерегущими тайны дома львами. На третьем этаже расположен домовый храм, из окон которого открывается прекрасный вид сверху на весь дворец и двор.

Отсюда, быть может, Николай Борисович Юсупов взирал на толпу своих рабов, приходивших с хлебом-солью и поздравлениями по большим праздникам, и... на маленького Сашу Пушкина.

«На уроки танцевания к Трубецким» Покровка улица, 22

По этому адресу расположена усадьба Апраксиных-Трубецких. Здесь Александр и Ольга Пушкины бывали в детстве, в 1809–1810 годах. Сестра поэта вспоминала, что «родители возили их на уроки танцевания к Трубецким (князю Ивану Дмитриевичу)». В детские годы Пушкина князь и действительный камергер Иван Дмитриевич Трубецкой жил в этом доме на Покровке до своей смерти в 1827 году. Трубецкой приходился троюродным дядей Александру Пушкину (по отцу Сергею Львовичу).

«Дом-комод» на Покровке в 1836 году. (Центральный архив научно-технической документации Москвы)

Вычурный и грузный внешний вид дома дал прозвище и его владельцам. Их прозвали «Трубецкие-Комод». «Комодами» звались все члены семьи Ивана Дмитриевича: его жена Екатерина Александровна (урожденная Мансурова), сыновья Николай, Юрий, дочери Аграфена, Александра и Софья.

Действительно, квадратный дом Трубецких напоминал современникам комод (хотя еще в конце XVIII века его называли ни больше ни меньше как «московский Зимний дворец»). «Москва всех людей метила по-своему. Дом был комод, и Трубецкие стали Трубецкие-Комод, а старика Трубецкого звали уже просто Комод. Трубецкие-Комод жили в своем доме-комоде тремя поколениями; старик, крепконосный, сухой, был уже очень дряхл и глух; всем в доме распоряжалась дочь, сорокалетняя девица Анюта. Александр часто встречал на прогулках Николинку Трубецкого, гулявшего с гувернанткой. Они познакомились, тетка прислала Сергею Львовичу любезное письмо, и Александр стал бывать у Трубецких. Николинка Трубецкой был мал ростом, ленив и толст, желт, как лимон. Старый дед доживал свой век и крепко зяб, поэтому зимою непрерывно топили, а летом не открывали окон. Слуги ходили по дому как сонные мухи. В комодe было тихо, душно и скучно. Казалось, и молодые вместе со стариком доживают свой век. Николинка не играл в мяч и не бегал взапуски, он был сластена, лакомка, и нежная тетка его закармливала», – писал Юрий Тынянов. Интересно, что на танцевальных вечерах у Трубецких бывал и

маленький Федя Тютчев, живший неподалеку, в Армянском переулке.

Усадьба Апраксиных-Трубецких на Покровке сформировалась в результате покупки в 1764 году графом М.Ф. Апраксиным небольших соседних владений. На одном из них, в 1760 году принадлежавшем поручику Крюкову, стояли каменные палаты (вероятно, первая половина XVIII века). В 1766–1769 годах были выстроены в центральной части участка главный дом в три этажа и два одноэтажных флигеля по бокам (предположительно по проекту архитектора Д.В. Ухтомского, автора снесенных в 1930-е годы Красных ворот). Восточный флигель был перестроен из упомянутых старых каменных палат Крюкова, поэтому и оказался длиннее западного.

В 1772 году усадьбу приобрел князь Дмитрий Юрьевич Трубецкой, отец будущего «Комода» Ивана Дмитриевича. При нем в 1774–1775 годах строительство было завершено. Западный флигель, прежде короткий, был достроен; высота обоих флигелей была увеличена еще на один этаж. По задумке князя Трубецкого флигели соединили с главным домом переходами, после расширенными (до 1803 года). В торце восточного флигеля разместились парадная лестница. В 1783-м парадный двор усадьбы был замкнут в глубине двухэтажным корпусом с проездом посередине, уже в советское время этот корпус надстроили третьим этажом.

Пушкин к тому времени, как начал заниматься танцами,

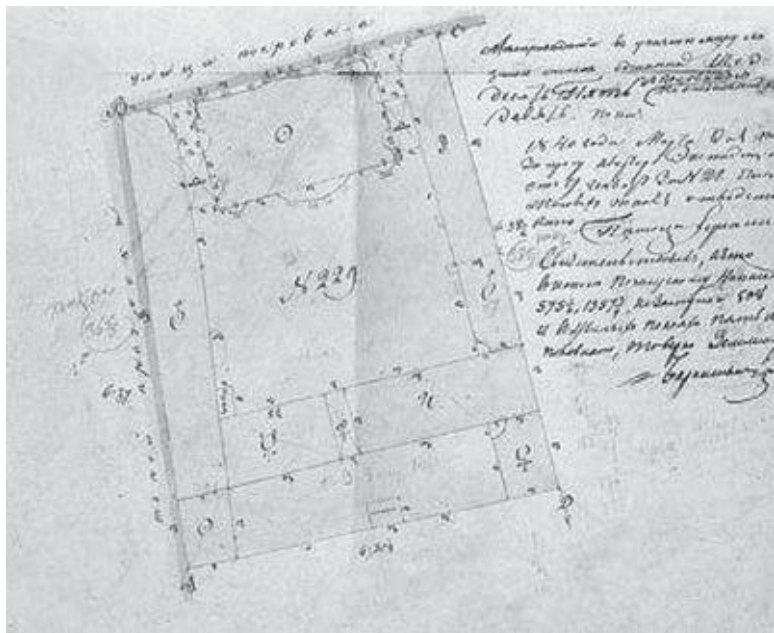
совершенно переменялся, став весьма резвым и непоседливым мальчиком. «Саша, был большой увалень, – утверждала Е.П. Янькова, – и дикарь, кудрявый, со смуглым личиком, не слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых так искры и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале, в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за это оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, что над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол, и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задели, и он обиделся; сидит оденешенек».

Помимо дома Трубецких, брата и сестру Пушкиных возили заниматься танцами к Бутурлиным на Язу, к Сушковым на Большую Молчановку (здесь Саша влюбился в Соню Сушкову) и на четверги к танцмейстеру Петру Андреевичу Йогелю, снимавшему зал в том числе и в Благородном собрании. И почти всегда Александр оказывался в центре внимания сверстниц: «Пушкин с сестрою учился танцевать в семье князя И.Д. Трубецкого, на Покровке, близком к их дому и семейству. Княжны, ровесницы Пушкина, рассказывали мне, что Пушкин всегда смешил их своими эпиграммами, собирая их около себя в каком-нибудь уголку. В этом доме я имел честь видеть часто мать и сестру Пушкина около 1820 года. Сестра славилась своим умом, живостью и характером между своими подругами», – вспоминал Михаил Погодин.

«Дом-комод» на Покровке является не только хорошо сохранившимся памятником пушкинской Москвы, но это еще и редкий, совершенно необычный памятник русской архитектуры позднего барокко второй половины XVIII века, единственный в своем роде. Вспомним, что расцвет барокко, который характеризуется такими свойствами, как грандиозность и пышность, патетическая приподнятость и пристрастие к эффектным элементам, совмещение иллюзорного и реального, пришелся на гораздо более ранний период – первую половину XVIII века, а с 1760-х этот стиль вытесняется классицизмом. Вот почему дом на Покровке еще до превращения его в «комод» прозвали «московским Зимним дворцом». Зимний, главный императорский дворец в Петербурге был построен Растрелли в 1754–1762 году также в стиле барокко. Динамичная ордерная композиция, рисунок деталей, уникальное для Москвы богатство оформления «дома-комода» напоминают самые знаменитые дворцовые здания того времени.

Однако русское барокко не знает таких объемно-пространственных решений в архитектуре жилых зданий. Даже петербургские дворцы 1750–1760-х годов строились на прямоугольных планах. Что же касается «дома-комода», то его криволинейные помещения разной формы и размера составляют основу планировки, а изгибы их стен непосредственно выражены в объеме здания. Эти выступы, в частности, подчеркнуты колоннами с характерным для эпохи сложным рит-

мом их повторения. На угловых выступах колонны и фронтоны ориентированы диагонально, что усиливает пластическое богатство здания. Крупные наличники и пышная лепнина почти целиком заполняют стены, особенно со стороны двора. Архитектурная ценность «дома-комода» как памятника русского зодчества подчеркивается и необычной для жилого здания деталью – лепными раковинами в нишах первого этажа.

План дома князя И.Д. Трубецкого, 1825. (Централь-

Торжественную парадность развернутому вдоль улицы усадебному ансамблю придают флигеля. Их продольные фасады, более сдержанные, отделаны уже в формах раннего классицизма. И в этом – яркая иллюстрация перехода от одного архитектурного стиля к другому. К настоящему времени замыкающий корпус усадьбы сохранил лишь сводчатый центральный проезд; боковые здания на узком заднем дворе полностью перестроены.

Богатый интерьер «дома-комода» характеризуется не только многообразием помещений, но и их сложными, прихотливыми сочетаниями, что позволяет провести аналогию с увеселительными павильонами, навевающую некоторые приемы рококо. В начале XIX века дом сильно пострадал во время пожара, но основная планировка дома сохранилась. К этому времени относится и оформление уникального овального зала. Внутри «дома-комода» есть на что посмотреть. Это и нарядные декоративные колонны, и высокие двери ампирического рисунка, и прямые и вогнутые угловые печи, облицованные изразцами второй половины XIX века (интересно, что до середины прошлого века в доме было печное отопление), и чугунные лестницы (заменившие деревянные во второй половине XIX века). В советское время была утрачена интереснейшая винтовая лестница в юго-западном крыле

здания⁴.

С этим домом связана занятная старомосковская легенда о тайном браке Алексея Разумовского с императрицей Елизаветой, произошедшем на следующий год после того, как в ночь на 25 ноября 1741 года гвардия возвела дочь Петра Первого на царский престол. Влюбленные приехали в Москву, где тайно обвенчались в церкви Воскресения в Барашах (Покровка, 26; построена в 1652 году, в советские годы значительно пострадала). В подтверждение тайного брака московские старожилы указывали на выточенную из дерева позолоченную царскую корону, водруженную якобы в честь этого венчания на куполе Воскресенской церкви. Теперь, к сожалению, и самой короны нет, как нет и возможности удостовериться в ее существовании.

Но главным результатом все сметающей на своем пути страсти Елизаветы должен был явиться ее подарок Разумовскому – роскошный дворец на Покровке, заказанный ею придворному архитектору Бартоломео Растрелли. Легенда красивая. Однако за правдоподобность ее поручиться трудно, так как свадьба если и была, то значительно раньше даты возведения дома.

С большей долей вероятности (чем в случае с тайным браком) можно утверждать, что Пушкин бывал в «доме-комоде» не только в детстве, но и гораздо позже, после возвращения в Москву. С 1825 года управляющим делами и имени-

⁴ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989.

ями у Трубецких служил Василий Дмитриевич Корнильев, в прошлом коллежский асессор и регистратор канцелярии Министерства юстиции.

Сегодня можно лишь догадываться о том, насколько эффективным управляющим он был, – как свидетельствовали современники, бывший коллежский асессор Корнильев жил на Покровке на широкую ногу и даже давал здесь обеды, обычно по вторникам. Пообедать заходили литераторы пушкинского круга: Баратынский, Погодин и другие. Михаил Погодин, между прочим, бывал здесь и в качестве домашнего учителя семьи Трубецких, об интересе к стихам Пушкина своего ученика Николеньки Трубецкого он писал в дневнике.

Управляющий пригласил к себе на обед Пушкина, скорее всего, после возвращения поэта в Москву из ссылки. Недаром же в сентябре 1826 года Корнильев присутствовал у князя Вяземского на чтении Пушкиным «Бориса Годунова». Встречались они и раньше – у Карамзиных в 1818 году в Петербурге.

Здесь же на Покровке встречала гостей и жена Корнильева, дочь командора Биллингса, исследователя Сибири и Севера, участвовавшего в третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Было у Василия Дмитриевича и другое существенное родство. Он приходился дядей Дмитрию Ивановичу Менделееву. Старшая сестра химика Екатерина Ивановна часто бывала у дяди-управляющего. Видели здесь и само-

го Дмитрия Ивановича. Считается также, что он несколько лет прожил здесь, пользуясь гостеприимством дяди, в 1849–1850 году (по другой версии, ученый жил в другом доме Корнильева – в Уланском переулке на Сретенке, куда тот переехал после отставки у Трубецких).

С середины XIX века в усадьбе помещалась Четвертая мужская гимназия, основанная в 1849 году для подготовки к поступлению в Московский университет. Ранее гимназия занимала дом Пашкова. Когда же в 1861 году дом Пашкова передали Румянцевскому музею, университет приобрел для гимназии «дом-комод», где она и располагалась вплоть до 1917 года. Гимназия была классической, высшего разряда, с двумя древними языками: латынью и греческим. Она выделялась своим преподавательским составом. Многие учителя, являясь авторами учебников, по ним же и преподавали свои дисциплины: физику – К.Д. Краевич, словесность – Л.И. Поливанов, математику – А.Ф. Малинин и К.П. Буренин. Среди выпускников – будущие режиссер К.С. Станиславский, философ Вл. С. Соловьев, ученый-механик Н.Е. Жуковский, меценат С.Т. Морозов, филолог А.А. Шахматов, писатели Н.Н. Евреинов и А.М. Ремизов, певец, солист Большого театра П.А. Хохлов, антрополог Н.Ю. Зюграф, зоолог С.А. Зернов.

После Октябрьского переворота усадьбу заполонили те, кого в пушкинское время и на порог бы не пустили, – представители победившего пролетариата. Пролетарии обосно-

вались прямо в овальном зале, где некогда обучали танцам Александра и Ольгу Пушкиных. А «дом-комод», «памятник зрелой гражданской архитектуры», приспособили под коммунальные квартиры. С дровами в первые революционные зимы в Москве было плохо, поэтому новые жильцы сильно мерзли в просторных барских покоях.

С 1924 года в здании находилось общежитие студентов Московского института инженеров транспорта. После Великой Отечественной войны здесь вновь стали учить танцам – часть помещений была отдана под Дворец пионеров (первое слово лучше подходит «дому-комоду», чем, например, общежитие). Среди пионеров были будущие поэтесса Белла Ахмадулина и театральный художник Валерий Левенталь. В 1958 году в здании открылся «Дом комсомольцев и школьников» Бауманского района Москвы.

В середине 1960-х к пионерам и комсомольцам подселили научных работников – во дворец въехал научно-исследовательский институт геофизики. Тогда наконец-то была проведена первая научная реставрация памятника: его фасадам вернули первоначальный облик середины XVIII столетия. Дворец на Покровке сегодня с успехом мог бы использоваться в культурно-просветительских целях, здесь можно было бы открыть галерею, музей, концертный зал. Но все это реально только после приведения в порядок этого уникального памятника московской архитектуры.

«Дом-комод» в наше время

«В московском саду графа Бутурлина»

Госпитальный переулоч, 4а/2

В 1809–1810 годах Пушкин часто бывал в усадьбе у Бутурлиных – дальних родственников его матери. В усадьбе жили граф Дмитрий Петрович Бутурлин – библиофил, сенатор – и его жена Анна Артемьевна, урожденная Воронцова. Она приходилась троюродной сестрой матери Пушкина Надежде Осиповне. Отец Бутурлиной Артемий Иванович Воронцов стал крестным отцом Александра Пушкина. Дети Бутурлиных – сыновья Михаил и Петр, дочери Елена, Елизавета, Мария и Софья – приходились четвероюродными братьями и сестрами Пушкину.

Сохранилось свидетельство поэта и литературоведа М.Н. Макарова, видевшего маленького Александра Пушкина у Бутурлиных: «Когда это было, в 1810-м, 1811-м и в какую именно пору, право, этого хорошенько и точно я теперь сказать не могу. Тридцать лет назад – порядочная работа для памяти человеческой. Однако ж я очень помню, что в этот год, да, именно в этот, когда я узнал Александра Сергеевича Пушкина, я, начиная с октября или с ноября месяца, непременно, как по должности, каждосубботно являлся к графу Дмитрию Петровичу Бутурлину.

Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скромный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздывался какой-нибудь добрый оратор, басенный эпиграммист, а еще чаще подле какого женибудь графчика чувств; этот тоже читывал и проповедовал свое; и если там или сям, то есть у того или другого, вырывалось что-нибудь превыспренне-пиитическое, забавное для отрока, будущего поэта, он не воздерживался от улыбки. Видно, что и тут уж он очень хорошо знал цену поэзии.

Однажды точно, при подобном же случае, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи и где как-то пришлось:

*И этот кортик,
и этот чертик! —*

Александр Сергеевич так громко захохотал, что Надежда Осиповна, мать поэта Пушкина, подала ему знак – и Александр Сергеевич нас оставил. Я спросил одного из моих приятелей, душою преданного настоящему чтецу: “Что случилось?” – “Да вот шалун, повеса!” – отвечал мне очень серьезно добряк-товарищ. Я улыбнулся этому замечанию, а живший у Бутурлиных ученый француз Жиле дружески пожал Пушкину руку и, оборотясь ко мне, сказал: “Чудное дитя!

как он рано все начал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет”. Жиле хорошо разгадал будущее Пушкина; но его “дай Бог” не дало большой жизни Александру Сергеевичу.

В теплый майский вечер мы сидели в московском саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. (...) упомянул о даре стихотворства в Александре Сергеевиче. Графиня Анна Артемьевна (Бутурлина), необыкновенная женщина в светском обращении и приветливости, чтобы как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его питическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девиц, иностранок и русских, почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них хоть что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел детский катрен поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи. Александр Сергеевич успел только сказать: “*Ah! mon Dieu*”, – и выбежал.

Я нашел его в огромной библиотеке графа Дмитрия Петровича; он разглядывал затылки сафьяновых фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: “Поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затыл-

ков”. Вошел граф Дмитрий Петрович с детьми, чтоб показать им картинки какого-то фолианта. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой.

Иван Иванович Дмитриев о Пушкине: «Посмотри-

те, ведь это настоящий арабчик!» Худ. В.А. Тропинин, 1835

Саша Пушкин о Дмитриеве: «Лучше быть арабчиком, чем рябчиком». Акварель С.Г. Чирикова, 1810-е

ГОДЫ

В детских годах, сколько я помню Пушкина, он был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым, но волосы в малолетстве его были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И.И. Дмитриев сказал: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Рябчик и арабчик оставались у нас в целый вечер на зубах».

Последний эпизод из записок Макарова о его знакомстве с Пушкиным относится скорее всего к 1809 году, так как в этом году Дмитриев уже переехал в Петербург. Пушкин в своем каламбуре «арабчик-рябчик» уколол маститого поэта в отместку за его реплику – у Дмитриева было рябое лицо.

Витиеватая внешность и смуглость Пушкина уже тогда отличала его от кучи сверстников, порождая разного рода толки. Вдохновляла она и поклонников поэта: «В каждом негре я люблю Пушкина и узнаю Пушкина», – писала Марина Цветаева в 1937 году в очерке «Мой Пушкин».

С детства Пушкин был жаден до книг. Сестра его вспоминала: «Учился Александр Сергеевич лениво, но рано обнаружил охоту к чтению и уже девяти лет любил читать Плутарха или “Илиаду” и “Одиссею”... Не довольствуясь тем, что ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал дру-

гие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века». Любовь к чтению развивали в детях и родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читал Мольера.

Среди друзей дома Пушкиных было немало литераторов – историк Николай Михайлович Карамзин (однажды Саша весь вечер просидел у отца на коленях, слушая его), баснописец Иван Иванович Дмитриев, поэты Василий Андреевич Жуковский и Константин Николаевич Батюшков. В семье был и свой поэт – брат отца Василий Львович Пушкин, баловался стишками и Александр Юрьевич Пушкин, двоюродный дядя Саши по матери. Все это, несомненно, способствовало проявлению поэтического таланта Пушкина в раннем возрасте. Бывало, он никак не засыпал, его спрашивали: «Что ты, Саша, не спишь?», на что он отвечал: «Сочиняю стихи».

«Первые его попытки были, – писала сестра Ольга, – разумеется, на французском языке... В то же время пробовал сочинять басни, а потом, уже лет десяти от роду, начитавшись порядочно, особенно “Генриады” Вольтера, написал целую героиню-комическую поэму, песнях в шести». Тетрадку с поэмой он никому не показывал, но однажды «гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что *m-r Alexandre* занимается таким вздором, отчего и не знает никогда своего урока. Шедель, прочитав первые стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и

в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку». А еще Саша любил разыгрывать перед сестрой свежие-сочиненные комедии, но ежели публике (то бишь Ольге) не нравилось, он не обижался...

Любовь к литературе прививала внуку и бабушка – Мария Алексеевна Ганнибал, оказавшая огромное влияние на подрастающего Сашу. По свидетельству Ольги Пушкиной, она «была ума светлого и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком...». Даже Дельвиг позднее отмечал удивительный эпистолярный дар Марии Алексеевны. Последнее обстоятельство оказалось важнейшим для воспитания Пушкина именно как русского поэта – ведь в то время основным языком общения российского дворянства был французский. Вероятно, бабушка и научила Сашу читать и писать по-русски, привив ему любовь и к родному языку. Из ее уст будущий поэт узнал немало интересного о своих известных предках, оставивших яркий след в русской истории, будь то род Ганнибалов или Пушкиных.

Восполняя недостаток внимания родителей, Мария Алексеевна все свое время старалась проводить с внуком, настолько непоседливым, что иногда у нее опускались руки, на что она сетовала своей знакомой: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком: то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми,

то вдруг так развернется и расходится, что его ничем не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это все кончится, ежели он не переменится». А самого Сашу она часто журила: «Ведь экой шалун ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы».

В то же время бабушка могла гордиться другими качествами любимого внука. Маленький Пушкин, к примеру, поражал всех своей памятью, с ходу запоминая впервые услышанные стихотворения, которые читали дядюшка Василий Львович и баснописец Дмитриев. Пушкин повторял затем стихи наизусть. К бабушке Пушкины выезжали с 1805 года почти каждое лето – семья проводила теплые деньки в Захарово, близ Звенигорода (ныне Одинцовский район Московской области).⁵

⁵ Мария Алексеевна прикупила «сельцо Захарово» (впервые упоминается в документах в 1586 г.) с 13 крестьянскими дворами и 134 душами в 1804 году за 28 тысяч рублей и владела им до 1811 года, когда, согласно источникам, в нем насчитывалось 900 десятин земли, 10 крестьянских изб, в которых проживало 60 «душ крепостных». Продала она его уже за 45 тысяч рублей дальней родственнице – Харитонии Ивановне Козловой, невестке своей родной сестры Аграфены. Степан Шевырёв, проживавший по соседству, вспоминал, что «деревня была богатая: в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления». Помимо главного дома, в усадьбе имелись и два флигеля, в одном из которых и жил летом Саша. Ни флигеля, ни дом не дошли до нашего времени, хорошо, что в послании к своему лицейскому товарищу Павлу Юдину в 1815 году поэт увековечил усадьбу стихами: «Мне видится мое селенье, Мое Захарово...». Пушкин как-то поделился с Павлом Нащокиным воспоминанием о своем деревенском

Помимо бабушки поэт испытал в детстве влияние еще одной замечательной старушки – няни Арины Родионовны, ставшей для него богатейшим источником народных легенд, преданий и сказок. Няня (крепостная его бабушки) воспитала несколько поколений семьи. Получив вольную, она тем не менее продолжала жить с хозяевами. Ольга Пушкина указывает, что Арина Родионовна мастерски говорила сказки, знала народные поверья, сыпала пословицами и поговорками. Неудивительно, что творческое наследие поэта настолько богато сказками – всего их известно семь. До сих пор ломаются копии относительно фамилии няни – в одних источниках ее называют Яковлевой, в других Матвеевой...

Некогда территория усадьбы Бутурлиных была куда более обширной, нежели сейчас. На плане 1759 года главный дом – одноэтажный, с мезонином, который в 1805-м был надстроен вторым деревянным этажом. Перед домом находил-

детстве, и тот писал: «Семейство Пушкиных жило в деревне. С ними жила одна родственница, какая-то двоюродная или троюродная сестра Пушкина, девушка молодая и сумасшедшая. Ее держали в особой комнате. Пушкиным присоветовали, что ее можно вылечить испугом. Раз Пушкин-ребенок гулял по роще. Он любил гулять, воображал себя богатырем, расхаживал по роще и палкою сбивал верхушки и головки растений. Возвращаясь домой после одной из прогулок, на дворе он встречает свою сумасшедшую сестру, растрепанную, в белом платье, взволнованную. Она выбежала из своей комнаты. Увидя Пушкина, она подбегает к нему и кричит: “Mon frige, on me prend pour un incendie” (фр. “Брат, они меня приняли за пожар”). Дело в том, что для испуга к ней в окошко провели кишку пожарной трубы и стали поливать ее водою. Пушкин, видно, знавший это, спокойно и с любезностью начал уверять ее, что ее сочли не за пожар, а за цветок, что цветы также поливают».

ся парадный двор с каменными флигелями по бокам. Вход в усадьбу был обозначен воротами посреди чугунной ограды. На воротах, естественно, львы.

Няня Арина Родионовна. Рисунок А.С. Пушкина

Со второй трети XVIII века усадьбой владела семья Корфов: Иоганн Корф, камергер двора императрицы Анны Иоанновны, затем с 1759 года – его сын генерал-поручик Н. Корф. Последующие хозяева усадьбы менялись как перчатки – статский советник Ф.Г. Швет, адмирал И.Л. Талызин (с 1767 года), с 1780-го – камер-юнкер князь И.П. Тюфякин (мы с ним еще встретимся по другому пушкинскому адресу). И, наконец, в 1789 году усадьба перешла к графу Д.П. Бутурлину, прикупившему в 1794 году соседний участок у камер-советника прусского короля Генриха Никласа.

Родословная у графа Бутурлина была наизнатнейшая. Графское достоинство в 1760 году получил еще его дед – бывший денщик Петра I, генерал-фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин. Детство и молодость Бутурлина пришлись на екатерининскую эпоху. В 1765 году отец Дмитрия Петровича был назначен посланником в Испанию; вскоре после смерти матери его отдали на воспитание к дяде, графу А.Р. Воронцову, впоследствии государственному канцлеру. Была у Бутурлина и крестная мать – императрица Екатерина Великая, одарившая крестника при рождении чином сержанта гвардии. При выходе из кадетского корпуса Бутурлина определили адъютантом к князю Г.А. Потемкину-Таврическому. Затем он служил по Министерству иностранных дел. Крестная, следившая за карьерой Бутурлина, могла бы

немало поспособствовать его дальнейшему продвижению, если бы не вредный ветер перемен из Франции, навеявший молодому графу всякого рода либеральные идеи. «Увлечшись в молодости либеральными теориями, вызвавшими Французскую революцию, отец умолял императрицу отпустить его в Париж, в чем она ему отказала и за что он, рассердившись, оставил службу и переехал на жительство в Москву», – писал сын Д.П. Бутурлина Михаил.

Дмитрий Петрович Бутурлин

В 1810 году, как раз в то время, когда Пушкин удивлял Бутурлиных своими первыми стихами, внуком Екатерины II Александром I именным высочайшим указом по придворной конторе было «повелено поручить в рассмотрение имею-

щесея в Эрмитаже собрание картин» графу Бутурлину. Выбор Бутурлина на пост директора Эрмитажа оказался неслучаен. Современникам граф был известен «глубокой и разносторонней ученостью, иностранцев удивлял своим энциклопедическим всеведением». Бутурлин вслед за Горьким мог бы повторить, что всеведению этому он обязан книгам. Книгам, которые он собирал долгие годы.

Библиотека, в которой мемуарист Макаров застал маленького Пушкина, была главным делом жизни Дмитрия Бутурлина. Граф, обладавший хорошим вкусом и огромным состоянием, составил в своем московском доме уникальное книжное собрание, равного которому не было еще в нашем отечестве. Сорок тысяч томов – все, что издавалось в России и Европе. С большим изыском покупал он для себя и самые редкие издания.

В его доме находились, например, книги, отпечатанные первыми европейскими типографиями с 1470 года до конца XVI века. Были в собрании и рукописные памятники – например, личная переписка короля Генриха IV. Часть библиотеки Бутурлин отправил в свое калужское имение, и потому эти издания сохранились. Но гораздо больше книг осталось в его московской усадьбе, сгоревшей в 1812 году вместе со всем содержимым. Обратились в пепел и книги в сафьяновых переплетах, когда-то заворожившие «Сашку» Пушкина.

Неудивительно, что именно такого человека император и назначил директором Эрмитажа. Только вот большую часть

времени Бутурлин проводил в Москве, а не в Петербурге. И потому следов от его руководства осталось в истории музея мало. Его больше занимало создание своего собственного, домашнего Эрмитажа, по ценности отдельных экспонатов во много раз превосходившего императорский.

В 1817 году, сославшись на нездоровье, Бутурлин оставил должность директора Императорского Эрмитажа и выехал во Флоренцию, где занялся любимым делом – снова приступил к собиранию личной библиотеки. На этот раз он собрал тридцать три тысячи книг. Впоследствии, в конце 1830-х годов, это собрание было продано на парижском аукционе за очень большие деньги.

Сад Бутурлина, в котором резвился маленький Александр Сергеевич, также был известен своей красотой и соперничал с юсуповским, что в Огородной слободе. Английский путешественник Кларк писал: «Библиотека, ботанический сад и музей Бутурлина замечательны не только в России, но и в Европе». По воспоминаниям Михаила Бутурлина, «сад доходил до реки Яузы и примыкал одним боком к улице и мосту, ведущим к военному госпиталю. При доме тянулся ряд оранжерей и теплиц с экзотическими растениями».

Усадьба сильно пострадала от пожара 1812 года и долго стояла в развалинах. «Помню, как матушка, – писал М. Бутурлин, – роясь в груде развалин и перегоревшего мусора, подбирала обломки любимых Севрских чашек, темно-синих, но превратившихся в черный колер... В числе вещей,

остававшихся в нашем доме весною 1812 года, было несколько пудов столового серебра, и если бы оно сгорело, то слитки попадались бы в пепле; но ни соринки серебра не нашлось. Это и есть одно из доказательств, что пожар сопровождался грабежом». Наконец, наследники графа в 1831 году через два года после его смерти продали весь участок купцу первой гильдии В.А. Розанову, а в 1875-м бывшая усадьба перешла к купцам Кондрашовым, выстроившим перед главным домом двухэтажные флигеля для ткацких мастерских. В 1887 году главный дом был перестроен по проекту архитектора И.П. Херодинова...

К настоящему времени частично сохранилась внутренняя планировка здания, в т. ч. две анфилады комнат на первом этаже, лепной декор потолков (с розетками и фризом) и остального интерьера, в т. ч. в музыкальной гостиной (в виде музыкальных инструментов и театральных масок). В гостиной сохранился паркет 1887 г. – он выложен т. н. «плетением в косу», сложным орнаментом, опоясывающим центр композиции – восьмиконечную звезду...

Так здание выглядит в наши дни

Прожив в Москве до 1811 года, Пушкин хорошо узнал город, бывая в Кремле, забираясь на колокольню Ивана Великого, осматривая с высоты Первопрестольную. В прогулках по московским улочкам и переулкам его сопровождает дядька Никита Тимофеевич Козлов, крепостной Пушкиных, преданный слуга поэта на всю оставшуюся жизнь. Его, «доморощенного стихотворца», также порою посещала муза поэзии. Козлов будет сопровождать Пушкина в южную ссылку, это к нему поэт обратится в ироничном стихотворении:

«Дай, Никита, мне одеться. В митрополии звонят...». Он же понесет своего раненного на дуэли хозяина из кареты в квартиру, а затем поедет в Святогорский монастырь с гробом поэта. Женой Козлова была дочь Арины Родионовны Надежда.

Среди прочих взрослых, окружавших поэта в детстве, были учитель русского языка Шиллер, гувернеры и учителя французского Монфор, Русло, Шедель; преподававший Закон Божий и русский язык священник Алексей Иванович Богданов, еще один поп – Александр Иванович Беликов, учивший еще и арифметике, а также учительница немецкого языка Лорж и противная гувернантка сестры Пушкина Белли. Словно про них написаны знаменитые строки:

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.*

Но пришла пора учиться как следует, и в двадцатых числах июля 1811 года Сашу Пушкина отправляют в Петербург, в лицей. Так закончился первый и самый лучший, романтический период его отношений с Москвой. Вновь поэт увидит родной город лишь через пятнадцать лет – в 1826 году. Встречи Пушкина с императором Николаем I, с москвичами, новые знакомства и, наконец, неоднократное чтение «Бориса Годунова» в домах Веневитинова, Вяземского, Соболевского и других (эта поэма в ту осень публично читалась авто-

ром в Первопрестольной минимум пять раз) стали возможны, прежде всего, благодаря его возвращению из ссылки в Михайловском 8 сентября 1826 года. Ссылка эта продолжалась более двух лет и прервалась неожиданно.

Глава 2. Спустя 15 лет: возвращение в Москву «идолом народным» (1826–1827)

«Высочайше Пушкина призвать сюда» Кремль, Малый Николаевский дворец

Еще 3 сентября 1826 года Пушкин находился на Псковщине, не предполагая, что ждет его через несколько часов. День выдался теплый и погожий, он провел его в Тригорском, у Осиповых-Вульф, был «особенно весел». В одиннадцатом часу вечера он выехал в свое Михайловское, домой приехал затемно. А тут и жандарм подоспел, с пакетом от псковского гражданского губернатора Б.А. фон Адеркаса. В письме говорилось: «Милостивый государь мой Александр Сергеевич! Сей час получил я прямо из Москвы с нарочным фельдъегерем высочайшее разрешение по всеподданнейшему прошению вашему, с коего копию при сем прилагаю. Я не отправляю к вам фельдъегеря, который остается

здесь до прибытия вашего, прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне».

Срочность, с какой Пушкина вызывали, а также доставка письма в ночное время не могли не навести и самого поэта, и обитателей Михайловского на печальные размышления. Так поступали разве что с декабристами, приезжая за ними среди ночи, чтобы препроводить к императору, а затем в тюрьму. Дворня перепугалась, Арина Родионовна плакала навзрыд. Пушкин утешал ее: «Не плачь, мама, сыты будем; царь хоть куды ни пошлет, а все хлеба даст».

Не прибавлял уверенности и документ, на который ссылался губернатор, в нем говорилось: «Находящемуся во вверенной вам губернии чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества». Подписана бумага была начальником Главного штаба Дибичем.

Наскоро собравшись, Пушкин около пяти часов утра выехал в Псков к губернатору, захватив с собою рукописи «Бориса Годунова», «Цыган» и второй главы «Евгения Онегина». А в Михайловском и Тригорском тем временем рождались версии одна зловещее другой. Поговаривали, что раз жандарм среди ночи приехал, значит, дело нечисто. Скорее

всего, вызвали Пушкина по доносу – так думали многие. Соседка поэта Прасковья Осипова сразу взялась за письмо к Антону Дельвигу в Петербург, где изложила свои соображения; тот, в свою очередь, поделился с Анной Вульф, влюбленной в Пушкина. Девушка решается написать Александру Сергеевичу: «Я словно переродилась, получив известие о доносе на вас. Творец небесный, что же с вами будет? <...> Сейчас я не в силах думать ни о чем, кроме опасности, которой вы подвергаетесь, и пренебрегаю всякими другими соображениями. <...> Боже, как я была бы счастлива узнать, что вас простили, – пусть даже ценою того, что никогда больше не увижу вас, хотя это условие страшит меня, как смерть <...> Как это поистине страшно оказаться каторжником!»

Таковы были настроения знакомых Пушкина, считающих, что его повезут чуть ли не в Сибирь. Вызов поэта в старую столицу был воспринят с большой тревогой. Да и сам он вряд ли пребывал в благодушном настроении. Мысли его, несомненно, относились к декабристам. Какова будет его участь? Так или иначе, начиная с 14 декабря 1825 года, с самого неудавшегося восстания, и дня не проходило, чтобы где-нибудь не упоминалось имя Пушкина в связи с этим событием.

В частности, во время следствия на допросе Николай I допытывается от Ивана Пущина – посылал ли тот Пушкину письмо о будущем восстании? В ответ Пущин защищает поэта от подозрений в участии в антиправительственном заговоре. Но многие арестованные называют его произведение

главным источником «свободного образа мыслей». Если верить им, Пушкин – чуть ли не идеолог и вдохновитель заговора. Неудивительно, что в июне 1826 года ближайший помощник Бенкендорфа М.Я фон Фок получает от одного из своих агентов донесение: «Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков».

«В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством», – писал Жуковский Пушкину 12 апреля 1826 года из Петербурга. А еще дал мудрый совет вести себя тихо, не высываться и писать «Годунова», который «отворит дверь свободы». Пушкин согласился и 11 мая вместе со всеми псковскими чиновниками дает подписку: «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь никаким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них».

12 июня Петр Вяземский дает другой совет – покаяться перед царем в «шалостях пера и языка», просить разрешения поехать в столицы или за границу под предлогом лечения. Словно под влиянием этого совета рождается из-под пера поэта обращение к «Всемиловитейшему государю»:

«В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора <...>, я был выключен из службы и сослан в де-

ревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства.

Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемиловитейший государь, Вашего императорского величества верноподданный Александр Пушкин».

Аневризмом поэт называет расширение вен на правой ноге, о котором он периодически вспоминал, надеясь под предлогом лечения этой якобы смертельной болезни уехать в Европу. Свидетельство ему выдали во врачебной управе Пскова. 19 июля письмо вместе с этим свидетельством, а также с данной ранее подпиской он подает губернатору Адеркасу, а тот отправляет документы вышестоящему начальству – прибалтийскому генерал-губернатору Ф.О. Пауллуччи. Последний, 30 июля, передает это письмо министру иностранных дел К.В. Нессельроде, сопроводив его следующей характеристикой: Пушкин «ведет себя хорошо», но из России его лучше не выпускать.

Пока письмо писалось, наступила кульминация декабристской истории. Казнь пяти заговорщиков состоялась 13 июля 1826 года в Петропавловской крепости. Поначалу их приговорили к четвертованию, а еще тридцать одного участника восстания – к отсечению головы. Но государь смилостивился, заменив четвертование повешением. Николаю I, ставшему императором неожиданно для себя самого (письмо об отречении брата Константина от него долго скрывали; видимо, Александр I все еще надеялся на рождение сына), совершенно не хотелось начинать свое царствование с казни, да к тому же публичной. Старики еще помнили ужасную смерть Пугачева на Болотной площади в Москве – его приговорили к четвертованию (подробности казни Пушкин приводит в «Истории пугачевского бунта»). Николай сделал все, дабы не привлекать общественного внимания к самому факту казни, засекретив ее время и место. Декабристов должны были повесить в три часа ночи, но непредвиденные обстоятельства отсрочили казнь на ранний утренний час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.